

Ленинский ШАХТЕР

Год
издания
36-й

ОРГАН ЛЕНИНСК-КУЗНЕЦКОГО ГОРКОМА КПСС
И ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 92 (8565)

Воскресенье, 8 мая 1966 г.

Цена 2 коп.

ЗАВТРА—ДЕНЬ ПОБЕДЫ

9 мая все прогрессивное человечество торжественно празднует день великой победы над темными силами фашизма. Никогда не померкнет в памяти человечества подвиг советского народа и его Вооруженных Сил, вставших несокрушимой преградой на пути немецко-фашистских претендентов на мировое господство. Они вынесли основную тяжесть борьбы против гитлеровцев, защитили свою Отчизну от захватчиков, разгромили врага и помогли народам Европы сбросить ярмо фашистского рабства. Историческая победа в Великой Отечественной войне ковалась на заснеженных полях Подмосковья, в предгорьях Кавказа, на берегах Волги, в осажденном Ленинграде, в битве на Курской дуге. Во имя победы сражались отважные партизаны. Ей отдавали бессонные ночи ученые, конструкторы, сталевары, машиностроители Урала, Сибири, Дальнего Востока, для нее трудились хлеборобы Алтая и Средней Азии. Ее приближали, помогая фронту, женщины и дети—все советские люди. Только советский народ, руководи-

мый Коммунистической партией, народ, совершивший Великую Октябрьскую социалистическую революцию, победивший в гражданской войне, построивший социализм, мог превозмочь неимоверные трудности и испытания войны и разгромить захватчиков. Победа над германским фашизмом способствовала образованию мировой социалистической системы, создала благоприятные условия для подъема национально-освободительного движения в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Мир стал жить иначе — в нем умножились, окрепли силы социализма и демократии. В этом году советские люди встречают Праздник Победы в обстановке большого патриотического подъема, вызванного решениями XXIII съезда партии, новыми успехами в развитии народного хозяйства, укреплении обороноспособности страны. Овеянные славой великих побед, Советские Вооруженные Силы бдительно следят за происками империалистических агрессоров, охраняя мирный труд строителей коммунизма.

Никто не забыт и ничто не забыто

«УВАЖАЕМАЯ ФЕДЛА АБРОСИМОВНА!

Мы, пионеры отряда имени В. М. Комарова Бобровской средней школы № 1, сообщаем Вам о том, что Ваш сын Большаков Федор Васильевич 1914 года рождения умер от ран 16 августа 1943 года и похоронен в городе Боброве на городском кладбище.

Могила погибших воинов Советской Армии содержится в хорошем порядке. Пионеры и все организации возлагают венки на могилы погибших воинов ежегодно: 6 ноября, 23 февраля и 9 мая, в день Победы. Просим Вас написать о жизни и работе Вашего сына. Если есть возможность, то пришлите его фотографию и приезжайте к нам.

С сердечным приветом пионеры 4 «А» класса средней школы № 1.

г. БОБРОВ, ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ.

☆☆☆

Это письмо принес в редакцию пожилой человек Федор Демидович Шерстнев. Сам бывший солдат, он быстро принял к сердцу это детское послание к солдатской матери. А вдруг она жива и не знает, где погиб и похоронен ее сын? Вдруг не получает пенсии? Вот он и пошел.

К сожалению, письмо не застало ее в живых. Но мы нашли ее последнего сына, Михаила Ивановича Большакова, шофера Ленинской автобазы.

Он провел меня в комнату, где на беленых стенах висело несколько увеличенных фотографий.

— Смотрите, вот он, Федор. Так же, как сейчас на вас, глядел со стены серьезным и спокойным взором парень в гимнастерке с отложным воротником, с командирскими ремнями на груди.

Удивительное чувство вызывают старые фотографии. Вот все они, люди, которых уже нет сегодня. Федор. Его брат Николай, тоже в солдатской форме с петлицами. Они погибли в один день, 16 августа 1943 года. Их мать будто вглядывается в лица сыновей, спрашивает о чем-то. Она до последних дней вспоминала сыновей в молитве, верила, что где-то там, в недоступном людям мире, ее детям будет счастливо. Она хранила их фотографии и письма. В старенькой бумажке мы с Михаилом Ивановичем отыскали фотографии и «похоронную» на Федора, четырехугольные пожелтевшие грубой бумаги: «в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм, был ранен и умер от ран». Писем сейчас уже нет, без матери они растерялись в будничной сутолоке.

Жизнь все заравнивает. Но сейчас, глядя на эти фотографии, заботливо увеличенные с маленьких армейских снимков, оправленные в немудрящие рамочки, я думаю о том, как долго и верно живет в народе память о жестоком и великом времени. И сейчас еще услышишь порой: «Я жена фронтовика», услы-

шишь непримиренную годами, неподконтрольную разуму ревность к тем, кто вернулся с войны живым, горькое воспоминание о военном хлебе.

Вот и Михаил Иванович заволаговался и, не курящий, зачиркал спичкой, и все не мог никак зажечь. А ведь он знает брата больше по рассказам матери. И ребята из далекого воронежского города ухаживают за могилкой не известного им солдата и разыскивают его мать, а сами они не помнят — что я! — не знают войны. Они еще не знают, что можно опоздать навсегда. А мать солдат знала, и, наверное, эта боль за сыновей, за то, что они уже никогда ничего не успеют сделать, — в ее взгляде на фотографии. Не о том ли она молилась своему богу — пусть он там, у себя, даст ее детям то, что они не успели иметь на земле?

Помнят о Федоре в дальнем селе Пайвине пожилые женщины, его сверстницы, чьи мужья и женихи тоже не пришли с войны. Вот и Федор Демидович Шерстнев ради той же памяти взял письмо чужой старой женщины и принес его в редакцию. Живет память о павших!

Кто он был, этот парень? Его отца убили колчаковцы. Его мать и он сам работали в колхозе «Комбайн». Был бригадиром. Призвали в армию — служил, стал младшим лейтенантом. Там, в армии, вступил в партию. Началась война — воевал. Михаил Иванович вспоминает, что после его смерти матери присылали награжденные документы — Федор был награжден орденами Красного

Знамени и Красной Звезды. С фронта писал хорошие письма — что скоро победа, вот разобьем фашистов, тогда...

Однажды, когда его, раненого, привезли под Барнаул, мать и сестра ездили к нему. Это была последняя встреча. Последнее письмо было из госпиталя под Воронежем. Он лежал, не имея возможности шевельнуть ни рукой, ни ногой. Михаил Иванович хорошо помнит, что получила семья письмо от него, написанное левой рукой. Говорил, он что скоро придет, и мать готовилась его встречать, собирала продукты, а все было так дорого... Но вместо сына пришла похоронная.

Я смотрю на фотографии. Что ушло вместе с этими парнями? Были бы светлые головы, золотые руки, умные сердца. Пусть не знаменитые, не отмеченные высокими наградами, труженики большой Советской страны. В грозный час вышли они, как миллионы сверстников, против врага жестокого и беспощадного. За ними стояла их земля, вся, от Москвы до самых до окраин, и та, в дальнем селе Пайвино, которую они знали, на которой выросли, за которую погиб отец. Эту землю отдать было нельзя. И они отдали жизни, чтоб не отдать Родину.

Пусть же память наша сохранит имена всех, кто прошел эту войну, кто погиб в бою, кто умер от ран в далеких армейских госпиталях. Всех, награжденных и не награжденных, потому что нельзя же наградить весь народ, вставший против врага.

М. МОРОЗОВА.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Сегодня, в 12 часов дня на площади Победы состоится митинг, посвященный дню Победы, Ветеранам войны, участникам парада, сбор в 11 часов во Дворце культуры, ГОРКОМ КПСС.

А. ШИШКИН.

Городишко был продут ветрами,
Паровозным дымом прокопчен.
Просыпаясь ранними утрами,
Городишко вел нелегкий счет,
Страшный счет коротких похоронок,
Больно заскрипевших костылей,
Счет бессонным суткам, трудным тоннам,
И пайкам, черневшим на столе.
«Обязуюсь для поддержки фронта...» —
Хриплые, корявые слова.
Судорожным кашлем, липким потом
Подтверждали их в забоях лав.
«Обязуюсь для поддержки фронта...»
В шахту шел мальчишка желторотый.
«Обязуюсь для поддержки фронта,
За сынов погибших на войне...»
—Брались за неженскую работу
Женщины с мужниной наравне.
«Обязуюсь для поддержки фронта...» —
Становился тыл—передовой,
Тыл бессонный тоже брал высоты,
Тыл глубокий вел бесменный бой,
Чтобы люди пели и плясали,
Чтобы детский смех вернулся в дом —
Фронт платил пробитыми сердцами,
Тыл — нечеловеческим трудом.

В редакцию НЕ ВЕРНУЛСЯ

А. Ф. ДИМЕЕВ.

Лампа под зеленым абажуром освещает лишь нижнюю часть его лица и руку, из-под которой быстро бегут строчки. Видимо, по ходу мыслей выражение лица его меняется: он то крепко закусит губу, нахмурит брови, то вдруг весь засветится белозубой улыбкой. Или, бросив писать, сидит с потухшей папирской в зубах, близоруко сощурился глаза под пенсне.

Почему-то именно таким запомнился мне Александр Федорович Димеев. Может быть, потому, что вечерами нам приходилось работать вместе, и часто, боясь спугнуть его мысль, я минут пять простаивала в дверях кабинета с газетным оттиском в руках. А он, когда писал, забывал об окружающем. Вот так же он мог писать в любом месте: на собрании актива и на парковой скамейке в шумный праздничный день. С записной книжкой на колене я видела его на скамейке стадиона. Он говорил, что свежие впечатления всегда ярче и записывал их тут же, как записывал на ходу чужую понравившуюся ему мысль, слово, пословицу.

К нам, в городскую газету, Димеев приехал в середине тридцатых годов. Полувоенная форма красиво облегла его стройную, ладную фигуру. Из-за пенсне вдумчиво и пылливо смотрели темно-карие глаза. Только лицо с лимонным оттенком говорило о том, что человек нездоров. Так оно и было — нашего нового зама трепала малярия. Но об этом мы узнали много позже. Он умел

переносить невзгоды, не жалуюсь, молча. Веселый, общительный. Александр Федорович быстро вошел в коллектив. И никто не знал, что совсем недавно Димеев потерял горячо любимую жену. Это горе он носил в себе. Но зато был очень чуток к чужому несчастью.

Помню, одна из наборщиц тяжело заболела, требовался курорт. А у нее муж в армии, двое детей да мать старая на руках. Откуда взять средств? Так Димеев обошел все инстанции, а добился путевки и, как потом выяснилось, недостающую сумму уплатил из личных средств.

И еще замечательная черта была у Димеева. Он умел находить ключи к человеческим сердцам. Может быть, это громко сказано. Но это было именно так. Наш зам не приказывал и не упрямился. Он просто говорил — надо. «Ребята, завтра надо захватить из дому лопаты, метлы и прибрать двор». И мы приходили. Причем, он являлся первым.

Мне нравился его дружба с рабочими-полиграфистами. Он не считал своим образованием, положением, но и не заискивал перед «рабочим классом», а разговаривал с людьми на равных, знал их нужды, интересы. Наверное, так вел себя и на шахтах, предприятиях и, может быть, именно поэтому у Димеева был большой актив рабкоров. Поговорит с людьми, расположит к открытости, а потом скажет: «А об этом стоило бы написать... Да самим, даким, вы-то больше знаете свои

людей. К нему обращались по всем вопросам и в работе и в жизни. А ведь Димеев был только замом, редактором стал позже, во время войны.

Как сейчас помню этот день, похожий на кошмарный сон. Было воскресенье. Но одно слово — «война» собрало нас всех в редакцию. Ребята, журналисты и полиграфисты, уходили на фронт. Все — от редактора до литработника, от директора — до печатника. Только Димеев не получил повестки из горвоенкомата, он не подлежал призыву из-за близорукости. Без пенсне это был слепой человек.

И как хорошо, что в те трудные дни с нами остался Димеев. Потому что нас было мало и все женщины, проводившие на войну мужей и женихов, отцов и братьев. А газета должна выходить и быть боевой, как никогда. И требовалось собрать наши силы, нашу волю в один кулак. Вот тогда очень ярко проявился талант Димеева — организатора.

Тогда, в день начала войны, я сделала первый шаг в журналистику: спустилась в шахту и написала первую в своей жизни статью о героизме шахтеров. Написала потому, что так нужно, что это ответственное задание дал мне коммунист Димеев — он поверил в мои силы, и я сама поверила в них.

А наборщицы встали к печатным машинам. Старый печатник дядя Сапша спешно переобучивал их. И газета выходила каждый день и каждый день она опрашивала людей: «Что ты сделал для фронта?» И люди отвечали ей: «Дадим больше угля Родине». А мы ухитрились не только выпускать газету, но иногда и помогать в забое, как говорил Димеев: поймем двух зайцев — добудем уголь и соберем материал.

Я его помню в низком забое шахты «А» с кайлом в руках и за редакторским столом под зеленым светом лампы. В те дни его осунувшееся лицо еще больше отливало желтизной, по-прежнему мучила малярия. Но человек не сдавался. Тайком от нас (не хотел огорчать) он писал заявления — просился на фронт, где решались судьбы Родины. Ему отказывали, а он все равно писал!

НИ ШАГУ НАЗАД

Приказ командования был краток. В констатирующей части изложение обстановки. — Приказная часть сводилась к трем словам: «Ни шагу назад». Эти слова, как клятву, передавали бойцы гвардейского кавалерийского полка из уст в уста. Полк занял оборону вдоль реки Жиздра.

Друзья-однополчане Николай Беляев и Александр Фантор вырыли рядом свои шели-укрытия на склоне холма у старой церкви.

После трудного дня они уснули на траве рядом с окопом, ведь на войне не всегда удается хорошо выспаться.

...Длинная пулеметная очередь и оружейные залпы с правого фланга разбудили и насторожили весь полк. Густой туман покрыл и реку и окружающие ее луга. А там, в тумане, слышались все четче и четче рокот моторов. Вот уже слышен и ляг гусениц. Потом какой-то черный силуэт начал вырисовываться в тумане и двигаться все ближе и ближе к окопу друзей. Вдруг танк остановился, сделал выстрел по церкви и, набирая скорость, пошел вперед: 50... 40... 30 метров отделяет танк от друзей.

ТРОПОЙ СОЛДАТА

Татьяна Владимировна Романчина добровольно ушла на фронт, когда ей не было еще и двадцати лет. Нестерпимо было сидеть и ждать! Она успешно окончила военные курсы связистов. И с тех пор в одном строю с мужчинами шагала по тяжелым фронтовым дорогам.

Татьяна Владимировна служила в зенитно-артиллерийском полку. Сражалась в Сталинограде, прошла Латвию. Даже сейчас ей нелегко вспомнить, сколько вынесла она боев, сколько душевных переживаний стоила ей война.

Она достойно исполняла должность фронтового связиста и проявила настоящее мужество. Вот один случай.

Во время военных операций, враг разоружил связь, и Татьяна Владимировна с подругой Тоней Паниной добровольно вызвались восстановить ее. Не

сговариваясь, Александр берет связку гранат и ползет навстречу танку, и в 10 метрах от окопа подрывает его, выскакивающих из танка фашистов Николай добивал из карабина.

Второй танк, пытавшийся обойти своего партнера, раздел с ним участь, получив «подарок» Беляева — связку гранат, а Александр в это время усердно работал карабином. Третий танк, резко повернувшись вправо, был подбит Александром. Остальные танки повернули назад.

Перед полком осталось догорать 10 подбитых танков. Александр и Николай получили первые медали «За отвагу».

25 лет прошло с тех пор. Не суждено было встретиться товарищам после войны. Известно где и кем работает теперь Николай Беляев, а Александр Моисеевич Фантор — человек самой мирной профессии — строитель. Его дело строить крепко, добротно. А если и вспоминает он иногда военные годы, то лишь ради памяти павших в боях.

В. ХОДАНОВИЧ.

ожиданию в траве они заметили немца, который резал провод. На миг девушки растерялись, так как забыли взять оружие. Тогда Татьяна ударила врага телефонным аппаратом по голове, а потом девушки связали его. За храбрость и находчивость их наградили медалями «За отвагу». Военный путь закончила Татьяна Владимировна в Германии.

Уже давно Т. В. Романчина работает на шахте «Журилка-3» слесарем, ремонтируя аппараты «ШИ-3». Здесь она связала свою судьбу с участником войны Владимиром Петровичем Романчиным. У них трое хороших детей. Татьяна Владимировна коммунистка, общественница, член женсовета участка. Сейчас ее избрали членом участковой комиссии по выборам в Верховный Совет СССР. Накануне праздника хочется с особой теплотой поздравить супругов Романчиных и пожелать им всяческих успехов.

В. ГОЛОМИДО.

дела». Зажжет людей... Он умел это. И у нас, в редакции, бросит идею, подожжет, а потом она ребятам покоя не дает.

В личной жизни этот человек был одинок. И мы думали потому все свое время отдавал людям. Теперь-то я поняла, что он просто любил

ПОБЕДА! Это емкое, гордое, величественное слово прозвучало 9 мая 1945 года во всех уголках нашей обширной Родины. Великая Отечественная война закончилась.

Краше, богаче стала теперь наша любимая Отчизна. Зримых следов войны не видно. Но изюм не изгладится из памяти советских людей то грозное, тяжкое время.

9 мая — праздник. Но в этот день у многих на глазах будут слезы. Это и слезы радости за подвиг народа и слезы печали за тех, кто сложил свою голову за Родину.

Да, зримых следов войны нет. Но последствия ее все еще ощутимы. Война разлучила многих близких, родных людей. В числе таких оказалась и жительница поселка Никитинка Надежда Панфиловна Баранова. Накануне праздника она прислала письмо в редакцию и поделилась своей радостью. После 22-летней разлуки она встретилась с родственниками.

...Осажденный, героический город Ленина. Население переживает страшные лишения. В семье Матвеевых от голода умирают отец, два сына и дочь.

У матери, Марии Ивановны, на руках еще две дочери: Римма и Надя. Обессиленные, с трудом они перебираются в Калининскую область.

Трудное, трудное время. И вот именно в это-то время наиболее ярко проявился мужественный, гордый характер наших людей. Он засверкал всеми гранями, как бриллиант в лучах солнца.

Надежда Панфиловна пишет: «С нашим приездом у родственников в семье стало десять человек. Нелегко бы-

ло. Но нас окружили теплом и заботой».

Однако не зря в народе говорят: «Беда не ходит одна». Блокада подкосила и Марию Ивановну. Сестры осиротели. Наде было в ту пору пять лет.

Девочку определили в детский дом. Эвакуация. Кузбасс. Город Белово. Сибиряки близко к сердцу приняли горе ленинградцев. Письмо Надежды Панфиловны — как бы гимн доброте советского человека. Вот еще

ЧЕРЕЗ 22 ГОДА

несколько строк из него: «В Белове меня взяли на воспитание и удочерили очень хорошие люди».

Эти хорошие люди супруги Логуновы: Евдокия Петровна и Панфил Иванович. Все заботы легли на плечи Евдокии Петровны, так как вскоре ее муж умер.

Не чужой тетей, а родной матерью была для Нади Евдокия Петровна. Лаской, вниманием окружала она девочку. Воспитала ее, выдала замуж. Сейчас Надежда Панфиловна сама мать троих детей.

Смутно Надя помнила своих родственников. Когда повзрослела, решила разыскать их. Десять лет продолжались розыски. Писала она и в Ленинград, и в Красный Крест и в другие места. Ответы были неутешительны.

И все-таки ушел на фронт с добровольческой Сибирской дивизией. Ушел, чтобы занять место погибших в боях журналистов — Ивана Носова, Мити Колмакова, полиграфистов Сергея Наместникова, везшего печатника Антоши и многих других. Он просто не мог не уйти, так и сказал нам: здесь без меня вы управитесь теперь, а там я нужнее. Он обещал вернуться в редакцию, устроить великолепный сабантуй в честь дня Победы, обещал писать, быть нашим военкором... Шутил, смеялся и был по-настоящему счастлив, что с оружием в руках, как и подобает мужчине-воину, будет биться с врагом.

Вот таким, насквозь светящимся счастьем, полным радужной мечты о жизни, в последний раз видели мы Димеева. Он погиб в первом же бою, ведя в атаку бойцов. Погиб с оружием в руках, как воин, как коммунист. И, наверное, последней мыслью было его любимое — «так надо»...

Мы оплакивали каждого погибшего из своего коллектива. Димеева оплакивать не могли. Было невозможно поверить в его смерть. А когда поверили, поняли сердцем — его жалеть нельзя, им можно только гордиться, потому что высшим счастьем для себя он считал — отдать Родине, партии все, даже саму жизнь.

Т. БАКЛАКОВА.

Радостная весть пришла в сентябре 1965 года. Работник милиции вручил ей адреса тети, Татьяны Матвеевны, и сестры Риммы. Началась переписка. А 11 марта этого года состоялась долгожданная встреча, встреча через 22 года. В гости к Надежде Панфиловне приехали ее тетя и двоюродный брат Владимир. Они тоже искали Надю. Но после удочерения у нее были другие фамилия и отчество, вот почему поиски оказались безуспешными.

Делясь своей радостью, Баранова сообщила нам: «Как я благодарна работнику милиции, который вручил мне адреса, но фамилии его не знаю. Мужчина пожилой, высокого роста и очень добрый. Большое, душевное ему спасибо».

Надежда Панфиловна! Мы узнали фамилию очень доброго мужчины. Это начальник паспортного стола районного отделения милиции Василий Яковлевич Мазурин. Много он приложил усилий, чтобы состоялась ваша встреча. Переписка по розыску ваших родственников составила солидную папку.

Встреча состоялась. Но какой длинный, тяжелый путь был к этой встрече! На этой встрече не было многих самых близких родных. И не будет. Война унесла их.

Чтобы не повторялась трагедия Нади, советские войны сломали хребет фашистской нечисти. И в день Победы мы чтим тех, кто с оружием в руках защищал Родину, склоняем головы перед памятью погибших.

А. ГУЛЯЕВ.

СНАЧАЛА нас было не много—двадцать 13-летних сорванцов с улицы Чкалова. Узнав о том, что прибывает первый эшелон с демобилизованными солдатами в наш районный центр Таштагол, мы кинулись к железной дороге. Из двадцати пацанов только трое ждали своих отцов. У остальных отцы были давно оплуканы горячими бабьими слезами в разное время нелегких военных лет.

Может быть, поэтому мы так рвались первыми встретить прибывающий эшелон, надеясь еще на какое-то чудо. Слухи о единичных случаях, когда после «похоронной» у кого-то оказывался живым отец или муж, или брат, распространялись по поселку удивительно быстро. Такие случаи наши матери знали все пофамильно и поименно и каждая баба-вдова не хотела расставаться с последней надеждой, веря еще в какую-то счастливую ошибку.

Добежав до железной дороги, мы все, как по команде, не сговариваясь, повернули в сторону станции Чугунаш, откуда ждали поезд. По дороге к нам присоединялись пацаны-сверстники с других улиц. На выходе из поселка Шалым нас было уже около двухсот.

Впереди шли постарше, хорошо помнившие своих отцов. Сзади топотали 7—8-летние ребятишки, представлявшие

ВСТРЕЧА

Невыдуманный
рассказ

отцов по рассказам матерей и старших братьев. С нами шло много голенастых девчонок, на ходу сбегавших с насыпи за цветами. За Усть-Шалымским мостом нам встретился десяток таких же, как мы, голодранцев с соседнего поселка, вечно с нами враждовавших. В другой раз мы непременно подрались бы, но сейчас об этом никто не помышлял, и они смело присоединились к нам.

Шли быстро, ожесточенно споря о родах войск, о званиях и наградах, шлепали босыми пятками по шпалам, не чувствуя боли. Перед большим поворотом 10-го километра Вася Киреев в полминуты залез на высоченный кедр и долго из-под ладошки глядел на север. Задрев головенки, мы молча смотрели на Васю. Слышно было даже стрекотание кузнечиков. Наконец, Любка Назарова не выдержала и тоненьким голоском спросила: «Ну что там, Вася?»

Злой и расцарапанный до крови молчком слез Вася с дерева. Так же молча мы двинулись дальше. И тут услышали гудок. Из сотни ребячьих плоток вырвалось единственное слово «Иде-е-ет!» Подхваченная каким-то неведомым

вихрем, толпа рванулась навстречу поезду.

Прямо на нас в полукилометре двигался товарняк, составленный из теплушек. Дав несколько гудков, паровоз начал останавливаться. Двери всех теплушек были раскрыты, и нас заметили. Не дожидаясь полной остановки поезда, бойцы прыгали и бежали нам навстречу. Седые, израненные люди в защитных гимнастерках с погонами и орденами хватали первого попавшегося пацана, целовали, роняя крупные солдатские слезы.

Потом началось твориться невообразимое. Отцы искали своих детей, дети искали своих отцов.

— С Лушинской кто? Кто-нибудь есть с Лушинской?

— Сыночек, ты не с Первомайской, может, знаешь Федюньку Корякина?

— Дяденька, а моего тятю убили?

— Мишка! Мишка-а-а! Кара асы! Пахан твой приехал!

— Где? — подбежал Карасев Мишка, от волнения не узнавая отца, пока не воткнулся головой в солдатский ремеш.

— Как же вы мать-то не убергли? — со слезами на глазах спрашивал седой сер-

жант плачущую навзрыд девчонку.

— Упухла с голоду, а-а-а потом умерла-а-а...

— Так, говоришь, знаешь мою Таньку?

— В одном классе учимся, — тер глаза кулаком Валет Косопузый.

— А чего ж ты плачешь?

— Тятеньке обе ноги фашисты оторвали, мамка уехала за ним в лазарет.

— Милый ты мой сыночек, а ведь я тебя еще не видел: как ушел на финскую, а ты и родился. Мать-то, мать-то как-то дома?

— Мамка в Салтон ушла за телкой, дедушка Макал писал. — не привыкнув еще к отцу бормотал Вовка Кабалаев. Пожилой машинист паровоза гуднул раза три, но гудки никто не слушал. Тогда он прыгнул на насыпь и ходил, уговаривал демобилизованных: «Братцы-солдаты, сынки заходите в вагоны, Ить меня могут с работы выгнать. Да и вас ждут не дожудят бабоньки. Забирайте в вагоны пацанов, там разберетесь».

Счастливики среди нас оказались не так уж много — человек 15—20. Мы, чкаловские, стояли в стороне, судорожно глотая слезы. Нам некого было встречать. Когда уже почти всех пацанов, и своих и чужих, разобрали солдаты по вагонам, к нам подбежал здоровенный пожилой старшина.

— А вы чего? — начал он и осекся, глянув на наши лица, подошел к нам, положил

свою здоровенную ладонь без двух пальцев на голову Витьке Каргину и тихо сказал:

— Нечем мне вас утешить. Пойдемте, сынки, в мой вагон.

Вагон оказался последним в составе, и пока мы шли, к нам из других вагонов протягивались десятки отцовских рук. Но старшина полусухо, полусерьезно отбивался и довел нас до своего вагона. Мы и глазом не успели моргнуть, как крепкие солдатские руки втянули нас в открытую дверь.

Бойцы было загомонили, начались расспросы, но старшина властно сказал: «Эти хлопцы остались сиротами» — и полез в свой вещмешок.

Тотчас же раскрылись десятки мешков, и нам совали кусочки сахара и хлеб. Кто-то открыл мясные консервы, кто-то мне в руки вложил шоколад. Это был первый шоколад, который я попробовал, в моей тринадцатилетней жизни. Отломив всем друзьям по дольке, одну я съел сам и две завернул в бумажку и положил в карман. Заметив это, солдат, стоявший рядом со мной сказал: «Ты ешь, ешь...»

— Сестренки у меня дома больные, — чуть слышно прошептал я, глядя под ноги.

— Охо-хо! — вздохнул он и отвернулся, пряча скатившуюся на усы слезу. Затем он заставил меня снять латанную перелатанную рубашку и надел на меня почти новенькую гимнастерку. Закатал мне рукава, говоря: «Мать дома чуток ушьет и будет хороша».

Паровоз дал гудок и двинулся навстречу слезам счастья.

Г. САИТОВ.

БРИГАДИР ГОДЫ И ЛЮДИ ФРОНТОВОЙ...

Женщине, которая сидит передо мной, 60 лет. Но даже годы не смогли украсть красоты ее лица. А в голосе мягкий украинский акцент.

— Та я ж киевлянка, — как бы извиняясь, поясняет она. Пришла женщина с просьбой, которая, видимо, ее стесняет. В годы войны Лидия Максимовна Петухова руководила передовой бригадой швейной фабрики. Такие бригады тогда называли фронтовыми. «А мы и работали прямо на фронт, — говорит Лидия Максимовна, — шили обмундирование бойцам». Сейчас ребята из 36-й школы попросили ее рассказать накануне дня Победы о делах бригады в годы войны. И вот женщина пришла за тем, чтобы в старых подшивках найти рассказы о своей бригаде. «Не умею я складно сочинять, а по тем заметкам составлю».

Листаем пожелтевшие от времени подшивки городской газеты. Находим нужные заметки. И, увлекшись дорогими воспоминаниями, Лидия Максимовна величественно передает то, о чем ей нужно рассказать детям.

— У меня в бригаде все девчата молодые были, со школьной скамьи. Я их за годы войны сорок обучила. Не легко. Тут план выполнять надо, а другая, кроме как заплатку прилатать, — ничегошеньки не умела. Зато и старательные были девочки. А как же, ведь на своих родных шили — у каждой то ли отец, то ли брат на фронте, а то и жених. А выучатся — так план на 200—250 процентов выполняют. Вот, к примеру, помню Аню Строганову, Нину Лебедеву, Сашу Усенко, да и Фая Хакимзянова, Катя Незамутдинова быстро изучили все детали и ниже чем на 180—200 процентов нормы не давали.

— Мы ведь почему хорошо работали, — потому, что каждая швея изучала все детали и при случае могла заменить любую ушедшую.

Но, как я узнала из опыта работы Лидии Петуховой, впечатанного тогда в газете, — не только поэтому. Бригадир

умело расставляла работниц, по 18 часов находилась на фабрике. Надо было подготовить рабочие места, воевать за хороший раскрой, за то, чтобы бесперебойно работали машины, была инициатором укрупнения, слияния двух бригад в одну. Не даром же бригада Петуховой пять лет подряд держала переходящее красное знамя, а Лидия Максимовна получила Почетную грамоту от наркома легкой промышленности.

— Две-то нормы в смену — ох как не легко давались моим девочкам, — говорит Лидия Максимовна, — Я-то уж тогда крепче была, а они ну вовсе дети. До того доработаются — носом клюют. А заказ срочный. Тут же иной раз и спали... Да и горя было через край. Кто похоронную с фронта получает, у кого писем долго нет — тревога...

Эта тревога была близка и самому бригадиру. Еще молодой, до войны, усмирила Лидия Максимовна пятилетне-

го Андрюшку. Берегла лучше глаза. Закончил он среднюю школу — война. Пошел в летную. И вот в 18 лет Андрей принял первый воздушный бой. Орден Славы горел на его груди, когда погиб в неравном бою с фашистскими асами. Но эта страшная весть не сломила женщину. Она работала еще яростней и все реже уходила домой, чтоб в работе, на людях заглушить боль сердца. «Это вам, родные, — шептала она, откладывая готовую продукцию, — вам, воины, отомстите за Андрюшку...»

И тысячи бойцов, одетые руками бригады Петуховой, шли в бой, сражаясь на земле, на море и в воздухе. И душа матери находила покой в том, что и ее руки помогают фронту.

«Шили на фронте — Петухова в тылу!» — писала газета. Что ж, такие, как Петухова, крепко поддерживали фронт. И пусть Лидия Максимовна получила лишь медаль, она сделала для победы над ненавистным фашизмом все, что могла.

Г. ГАЕВСКАЯ.

На днях в Центральном Дворце культуры состоялось торжественное собрание ветеранов Великой Отечественной войны. Присутствующим на нем были вручены юбилейные медали в честь двадцатилетия победы над Германией.

На снимке: в зале ЦДК.

Фото В. Языченко.

Дорогие товарищи! Мне хочется рассказать о событиях, происшедшем в годы Великой Отечественной войны.

Я служил в Красной Армии в 430-м отдельном батальоне связи с Михаилом Гавриковым из города Ленинска-Кузнецкого. Энергичный, веселый, он пользовался большим уважением среди товарищей. До службы работал он в Ленинске учителем.

Когда началась война, он сказал мне, как лучшему другу: «Я смерти не боюсь и смело могу отдать жизнь за нашу Родину. Только мне жалко мать». И мы поклялись беспощадно бить немецких оккупантов.

На фронт мы прибыли в конце июня, а в начале июля был сдан гор-

Великие Луки, Калининской области, где тов. Гавриков находился на городском телеграфе. Держали они связь с группой в 12 красноармейцев с нашими частями до входа в город немцев.

Когда связисты хватились, что квартал, где находилась почта, окружен немцами, они решили прорваться к реке и по берегу выйти из окружения. Силы были неравные. У каждого из красноармейцев на руках по 15 патронов... Бой скоро затих. Один из наших связистов трое суток укрывался от немцев (ему помогал прятаться старик, сторож с почты). После трех дней, когда город был освобожден от немцев Красной Армией,

этот товарищ возвратился в наш батальон.

А командир роты нашел в городе окровавленные винтовку, противогаз и бритву, принадлежавшие Михаилу Гаврикову. Когда я узнал об этом, то решил, что он, расстреляв по врагам патроны, покончил жизнь самоубийством, бритвой, лишь бы живым не сдаться. В этом я был твердо уверен.

С нашим командиром роты я вскоре расстался, так как он попал в другой батальон связи. И ничего больше я о нем не знал.

У Гаврикова, Михаила была в Ленинске мать — имя и отчество ее теперь забыл — и еще сестра Анна, фамилию и адрес ее я не знаю. Сра-

зу я им сообщил о гибели товарища, а о самоубийстве не написал. Я не знаю, известно или нет кому-нибудь из комсомольцев города или пионерам той школы, где работал Михаил Гавриков, как мужественно отдал он свою жизнь за нашу Родину.

Дорогие товарищи, мне желательно знать живы ли мамаша Михаила Гаврикова и его сестра Анна. Если вы их найдете, то напишите мне.

Г. ПРОНИН.

ОТ РЕДАКЦИИ: Людей, знавших Михаила Гаврикова или его родных, просим сообщить в редакцию.

«ЛЕНИНСКИЙ ШАХТЕР»

8 мая 1966 г., № 92, стр. 3

ПАМЯТЬ НЕ СТЫНЕТ

ИХ ПОДВИГИ НИКТО НЕ ЗАБУДЕТ

ДЕВЯТОЕ МАЯ — один из самых радостных дней мая для нашего народа — день Победы. И никогда ни Родина, ни народ всего мира не забудут подвиги солдат, отдавших свою жизнь за прекрасное на земле — мир!

...Если вам, дорогой горожанин, придется побывать у школьников тридцать четвертой школы, они вам обязательно покажут свой исторический музей. Так они именуют комнату, в которой хранятся интересные материалы, собранные ими при встречах с участниками Отечественной войны. Они расскажут вам о подвигах героев-кузбассовцев. — Но лучше все по порядку.

Вы входите в комнату. Вас поражает обилие фотографий, развешенных на стене. Рядом с ними огромная карта «От Кузбасса до Риги». На ней четкими линиями показан боевой путь двадцать второй Сибирской добровольческой дивизии. В центре комнаты — стол, на нем стопка тетрадей — их больше двадцати. В них-то и записаны рассказы участников войны на встречах с ребятами. А встреч этих было немало. Иногда они происходили на дому, но боль-

В школьном историческом

шинство состоялось в школе. Вот некоторые из них.

Приехали солдаты-сибиряки А. Г. Шалков и С. В. Жарков. С большим интересом слушали пионеры о том, как бились сибиряки-добровольцы на фронтах Отечественной войны, как дрались с вражеской 197 пехотной дивизией и с 332 пехотным полком, командование которого казнили Зою Космодемьянскую. Встречались с З. Ф. Валенюком, который участвовал в водружении знамени над рейхстагом, за что и был награжден высшей государственной наградой.

Но особенно запомнилась ребятам встреча с Героем Советского Союза С. К. Алексеевым. Память об этой встрече — фотография. И еще очень много было интересных, трогательных встреч.

На столике, под стеклом, лежат последние письма фронтовиков родным, написанные в перерыве между боями. Хранятся вырезки из военных газет.

«Красноармейская газета» за 24 сентября 1944 года. Заметка «В бой за Родину». В ней го-

ворится о награждении рядового Е. Д. Князева орденом Славы III степени за героический поступок.

Н. Г. Воскобойников, ныне здравствующий пенсионер, подарил ребятам фотографию, на которой он снят в одежде заключенного концлагеря. Это уже история.

Кроме того, что ребята встречаются с героями, они пересылаются с пионерами, жителями других городов, в которых находятся могилы воинов-сибиряков. Вот одно из писем П. И. Новиковой, живущей под Москвой, которая была свидетельницей гибели Веры Волошиной:

«...Мы долгое время скрывались от немцев в лесу, но однажды нас заметили и взяли в плен. Подвели нас к деревне Головково. И здесь мы увидели на воротах висевшую девушку. Уже после мы узнали, что это была Вера Волошина».

Пионеры вместе с матерью героини побывали в Подмоскovie у нее на могиле.

А в прошлом году ребята решили разыскать бывших учеников своей школы, погибших в боях. Кое-какие успехи уже достигнуты. Они собрали небольшой материал о бывшем ученике, лейтенанте И. Т. Скакалине, героически погибшем на фронте. Они хранят его последнее письмо родным.

И еще можно было многое рассказывать о материалах, собранных ребятами.

Самый трогательный вечер был в прошлом году, в 20-ю годовщину Победы. На вечер ребята пришли с родителями. Подготовили концерт, на котором пели фронтовые песни, читали стихи тех лет. В конце вечера ребята вручили подарки отцам-солдатам. Тогда, может быть, впервые в жизни они увидели слезы на глазах своих отцов.

Часто приезжают в эту школу гости из других городов Кузбасса.

— Да у вас лучше, чем в музее, — удивляются они. Во всяком случае ребята могут гордиться. Они умеют быть благодарными. Они делают все, чтобы не забылись подвиги людей в Великой Отечественной войне.

А. ФЕЛИНГЕР.

Вести из стран Африки

Марокканский феллах пашет землю на лошади и быке. Полятам за ним идет женщина с ребенком за спиной, привязанным полотенцем. В руке у нее ведро с зернами, которые она аккуратно бросает в борозду. Так возделывают землю еще многие крестьяне. Сельскохозяйственные машины в Марокко имеются пока только в крупных поместьях или государственных хозяйствах.

Фото И. Михайленко.

Фотохроника ТАСС.

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН КЕНИИ

ЛОНДОН. Правительство Кении опубликовало пересмотренный пятилетний план экономического развития страны. Планом предусмотрены меры, которые, по

словам президента Джомо Кениаты, произведут «революцию в сельском хозяйстве». Об этом сообщает корреспондент агентства Рейтер из Найроби.

ПЕРВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ

ФОРТ-ЛАМИ. Республика Чад приступила к строительству первой национальной типографии. Она долж-

на быть пущена в эксплуатацию уже в нынешнем году. Типография строится в столице Чада — Форт-Лами.

РАСИСТАМ НЕСПОКОЙНО

НЬЮ-ЙОРК. Пять южно-родезийских полицейских убиты партизанами в 25 милях от г. Синоя (Южная Родезия). Партизаны напали на временный полицейский пост, охраняющий главную линию электропередач, идущую

от Карибской электростанции в Солсбери.

Южнородезийские власти, обеспокоенные усиливающимся сопротивлением африканского населения, организовали массовые карательные операции.

СЛАВНАЯ ГОДОВЩИНА

АДДИС-АБЕБА. В Эфиопии проходят празднества по случаю 25-летнего юбилея освобождения страны от итальянских фашистских захватчиков.

В трехтысячной истории

независимой Эфиопии победа над итальянскими фашистами — самое яркое свидетельство мужества и героизма этого свободолюбивого африканского народа.

(ТАСС)

Отдел находок

Второго мая ученик третьего класса школы № 17 Яша Унгер за парком им. Суворова нашел дамские часы. Получить их можно по адресу: «Полысаевская-1», улица Вахтангова, 33.

В лесах Белоруссии

(Рассказ бывшего партизана — австрийского коммуниста)

Декабрь 1942 года. Молодой австриец Фридрих Пиецка, насильственно призванный в гитлеровскую армию вместе со своей частью попал в Могилев. У него только одна мысль — сбросить с себя ненавистную форму и вместе с советскими людьми бороться за свободу — за свободу Страны Советов, за свободу его родины — Австрии.

— Это было в Луполово под Могилевом, — рассказывает нам товарищ Пиецка — австрийский патриот, коммунист, бывший белорусский партизан, а ныне секретарь окружкома Австрийской компартии в городе Клагенфурт. — Нашу часть разместили в здании бывшей школы. Перед закрытием школы ее учителя собрались в одной из комнат. Я постучал в дверь, вошел в комнату и попросил разрешения пользоваться школьной библиотекой, в которой, как я заметил, были произведения Маркса, Ленина, Горького. Этот разговор в присутствии учителей я завел в расчете на то, что среди них окажется человек, связанный с партизанским подпольем.

А установить связь с партизанами я уже давно мечтал.

— На следующий день я отправился в расположенную рядом с Луполовом на берегу Днепра деревню Холмы, где встретил одного из учителей. Это был Николай Харкевич, погибший впоследствии в боях с гитлеровцами. Он пригласил меня к себе домой. В течение примерно трех недель нашего знакомства я пытался дать ему понять, что хочу помочь советским партизанам. Однако он был очень осторожен. Тогда на его квартире я устроил встречу нескольких наших солдат-антифашистов. Во время встречи мы решили написать письмо солдатам-австрийцам с призывом прекратить военные действия на стороне гитлеровской Германии.

— Разумеется, советские товарищи слышали наш разговор. Вскоре я встретился с представителем партизанского отряда Леоновым. Случилось это 8 марта 1943 года. Несколько дней я помогал партиза-

нам, доставлял им взрывчатку и медикаменты, а затем вместе с одним товарищем перешел к ним в лес. Приходилось спешить, так как нашу часть переместили.

— Так началась моя борьба вместе с советскими людьми против фашистского варварства. Первое боевое крещение я получил 5 мая 1943 года в боях против гитлеровских частей, пытавшихся окружить и уничтожить партизанские отряды. Перед этим первым боем я получил оружие, а его у партизан было немного.

— О том, как я воевал, лучше всего могут рассказать мои боевые друзья — советские люди, — говорит товарищ Пиецка. — Да, воевал, в форме немецкого солдата, ходил в разведку, готовил документы, вел пропагандистскую работу среди австрийцев — солдат германской армии, распространял среди них листовки,

участвовал в уничтожении военных объектов.

Самое главное для меня, — продолжает Фридрих Пиецка, — было — показать советским людям, что мы, австрийские коммунисты, боремся вместе с советским народом. Приходилось нелегко. Доверие партизан нужно было завоевывать делами, а не словами. Я брался за любое задание, помогал мирным жителям. Несколько лет тому назад я получил письмо из Советского Союза от Петра Прохоренко. Тогда, в годы войны, он был мальчиком. Мне пришлось однажды взять на себя роль врача, когда он заболел корью.

В партизанском отряде австриец Фридрих Пиецка был не единственным иностранцем. Была создана интернациональная группа в составе примерно 30 человек, в которой были чехи, французы, голландцы, немцы.

В. ГАВИЛЕВСКИЙ, Корреспондент ТАСС.

Вена.

Следующий номер «Ленинского шахтера» выйдет 11 мая.

Зам. редактора А. А. ГУЛЯЕВ.

ПРИГЛАШАЮТ НА РАБОТУ

Дорожный участок № 572 — бухгалтера материальной группы.

Обращаться ул. Советская, 2.

Красноярский пионерский лагерь — на сезонную работу техник.

Обращаться по адресу: ул. Ленина, 46.

Дорожно-эксплуатационный участок Ленинского горкомхоза — машинистов моторных катков, электрослесарей, каменщиков, плотников, штукатуров и дорожных рабочих.

Обращаться по адресу: ул. Розы Люксембург, № 81-а, в часы занятий с 8 до 14 часов.

СЕГОДНЯ В КИНОТЕАТРАХ

«ПОБЕДА»

Новый художественный фильм. ГАДУКА

Сеансы: 10-30, 12-20, 4-20, 6-10, 8-00, 10-00.

«О ЧЕМ МОЛЧАЛА ТАЙГА»

Сеансы: 9-00, 2-40.

«РАССВЕТ»

По просьбе зрителей ПОВЕСТЬ О МОЛОДОЖЕНАХ

Сеансы: 4-50, 6-40, 8-30.

ДУБРОВСКИЙ

Сеанс в 3 часа.

Ленинская геологоразведочная партия — плотников, штукатуров и буровых рабочих.

Обращаться: ул. Широкая, № 1 (3-й район 22-й школы).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДК СТРОИТСЯ МОСТ

Сеансы: 4, 6, 8.

«СИБИРЬ»

РАНО УТРОМ

Сеансы: 11-00, 1-00, 2-50, 4-30, 6-20, 8-00, 10-00.

«РОДИНА»

ГОД, КАК ЖИЗНЬ

(Две серии)

Сеансы: 10-30, 4-00, 7-00, 10-00.

ОТЕЦ СОЛДАТА

Сеансы: 9-00, 2-00.

«РЕКОРД»

ПОВЕСТЬ О ЧИСТОЙ ЛЮБВИ

Сеансы: 4-50, 6-40, 8-30.

ПУТЬ НА АРЕНУ

Сеанс в 3 часа.

Адрес редакции: г. Ленинск-Кузнецкий, ул. Белинского, № 17. Телефоны: редактора 0-33, зам. редактора 3-10, через трест 3-81, партийного отдела через трест 3-61, ответ. секретаря 3-10, отдела культуры и писем трудящихся 5-37, промышленного отдела — через трест, бухгалтерии 0-52, директора типографии 2-21.